

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.04

Иконография буддизма: традиция изображения Белого старца*

Б. А. Бичеев

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова,
Российская Федерация, 358000, Республика Калмыкия, Элиста, ул. Пушкина, 11

Для цитирования: Бичеев, Баазр. “Иконография буддизма: традиция изображения Белого старца”. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 13, no. 3 (2023): 576–596. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.310>

Белый старец — почитаемое буддистами России божество местного культа. Его узнаваемый облик, сформулированный текстовой традицией и культовой живописью буддизма, послужил основой для общепринятого наименования. В культовых текстах он неизменно называется эпитетом “Покоритель и усмиритель земли и воды”. Ранние иконографические образы Белого старца возникли под влиянием китайской традиции изображения древних божеств местностей Ту-ди, а более поздние — под влиянием изображения божества долголетия Шоу Сина. В ранней традиции он предстает в виде жреца или сановника, функции которого переданы через образы его спутников — духов-хозяев гор, сочетающих в себе черты животного и человека, ритуальные предметы (посох, четки, свиток), животных и птиц. В поздней традиции присутствует символика долголетия (образ старца) и плодовитости (голова фаллической формы, пещера, персик). В тексте «Сутры Белого старца» дается описание его внешнего облика (белобородый старец в белом одеянии), атрибутов (посох с головой дракона) и аллегоричного пейзажа (гора с плодовыми деревьями). Этому описанию в полной мере не соответствуют ни ранние, ни поздние монгольские и бурятские изображения. Наиболее идентичной текстовому описанию является калмыцкая традиция изображения Белого старца. У калмыков-кочевников он традиционно изображается в виде одинокой фигуры старца с непокрытой головой, с длинными седыми волосами, собранными на макушке в виде трирагны. Его одеяние — подпоясанный халат, поверх которого накинута другая распахнутая халат. В правой руке он держит посох с головой дракона, а в левой — четки. Спутников и животных нет. Символический пейзаж дополняет одинокую

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002.

стоящую фигуру старца. Однако некоторые детали пейзажа и одеяния Белого старца свидетельствуют о былом влиянии китайской традиции.

Ключевые слова: буддизм, божества местного культа, Белый старец, текстовая традиция, культовая живопись, традиция изображения божества, художественное влияние.

Утверждение буддизма среди монгольских народов сопровождалось интенсивным процессом ассимиляции древних религиозных культов. Буддийские учителя подчиняли их доктринальным положениям своего учения и определяли в категорию местных защитников буддийского пантеона [1–3]. Одним из таких прежних культов, ассимилированных буддизмом, является Белый старец. Это божество известно восточным народам под разными именами. В Китае его называют Шоу Син, в Тибете — Гамбо Гарбо. В Монголии и Бурятии — Белый старец (монг. *Цагаан өвгөн*, бур. *Саган үбгэн*) [4, с. 30–5]. В Калмыкии у Белого старца (калм. *Цаһан өвгн*) несколько имен — Белый батюшка (*Цаһан аав*), Белый дядюшка (*Цаһан авһ*), Седовласый старец (*Цаһан буурл өвгн*), Всемогущий Белый старец (*Нең ик Цаһан көгшин*), Белый старец Вселенной (*Делкэн Цаһан аав*). В калмыцких храмах его почитательно называли Святой старец (*Көгшин-богд*¹) [6, с. 146].

У монгольских народов вокруг культа Белого старца сложилась обширная обрядовая, текстологическая и иконографическая традиция. Судя по сохранившимся многочисленным спискам рукописных текстов², это было весьма почитаемое божество добуддийского верования. А. Бирталан, сопоставив текстовые источники и иконографические изображения Белого старца, приходит к мнению о том, что его внешний облик, сформулированный в текстуальной и иконографической традиции, стал основанием для присвоения ему общепринятого имени — Белый старец [7, р. 146].

Текстологическая традиция, связанная с культом Белого старца, представляет собой два вида произведений — прозаическую «Сутру Белого старца» [1, с. 84–5] и стихотворные обрядовые молитвы-«воскурения» (калм. *санг*) [8]. С бытованием этих двух видов текстов связана храмовая и светская традиции их чтения во 2-й и 16-й дни лунного месяца.

Прозаическая псевдобуддийская «Сутра Белого старца», в которой повествуется о мифической встрече Будды Шакьямуни с Белым старцем, была предназначена для утверждения этого божества в ряду местных защитников буддийского пантеона, давших клятву защищать учение Будды и его последователей. Об этом обете, принятом Белым старцем перед очами самого Будды Шакьямуни, упоминается в содержании некоторых обрядовых текстов.

---

¹ Г. Н. Потанин приводит сюжет «Лама ава», записанный в Западной Монголии у сказителя Сарьсана. «Из павшей джунгарской столицы во время переселения дербетов на север в нынешнюю землю Улангом перенесены Алтын Ганджур и Танждур и истуканы Махагалы и Лама ава, “отец лама”. Последний считается главным покровителем дербетского народа. Во время перекочевков куреня на летоку или зимовку его везут впереди всего кортежа» [5, с. 262].

² В известных отечественных и зарубежных каталогах монгольских рукописей указано 75 рукописных текстов на «ясном письме», посвященных культу Белого старца. Такие же тексты встречаются в библиотеках буддийских храмов и в частных коллекциях ойратов Западной Монголии, Синьцзяна и калмыков России.

Разные типы стихотворных молитв-«воскурений»³ были связаны с обрядом жертвоприношений на обо⁴ в дни больших и малых религиозных молебнов. Структурно тексты «воскурений» выстроены по единому принципу. Вначале следует обращение к сонму божеств и Белому старцу проявить благосклонность и явиться к месту подношения на обо. Затем следует «кормление», то есть просьба принять приготовленное подношение, а центральную часть текста составляет восхваление Белого старца. В заключении высказывается просьба о защите и покровительстве [12].

При всем разнообразии имен Белого старца у монгольских народов в письменной традиции он известен под одним общим и неизменным эпитетом — «Покоритель и усмиритель [духов-хозяев] земли и воды» (*yazar usuni nomoyodxon daruulun čidaqči*)⁵. Этот эпитет древнего добуддийского божества, схожий по своей форме с эпитетами самого Будды [13], связан с тем, что ему поклонялись как повелителю многочисленных спокойных и свирепых, добрых и злых, видимых и невидимых сверхъестественных существ — духов-хозяев земных и водных локусов, дарующих людям как благополучие, так и насылающих на них различные болезни и несчастья⁶.

В архаичных представлениях калмыков Белый старец воспринимался и как гений-хранитель страны и народа. В калмыцком песенном фольклоре есть протяжная песня под названием «Отроги Алтая и Хангая» (*Алтай Хангай шилнь*). В ней поется о долгой и трудной перекочевке народа с подножий Алтая к берегам Волги. В содержании песни сохранились архетипы добуддийских верований, связанные с представлениями о Белом старце как о гении-хранителе, который следует вместе с народом и оберегает его в этом долгом и опасном пути.

Өл буурл буһнь
Өлцгэн өөдлж меңнэ,
Өвгн буурл аавнь
Оньдинд маниг дахна [14, с. 109]

³ В. Хайсиг выделил пять типов текстов культа Белого старца [9, S. 21], Х. Футаки дополнил их до шести типов [10, р. 38].

⁴ *Обо* (калм. *овá*) — культовое место жертвоприношения различным божествам в религиозной культуре монголов в виде насыпи из камней. К. Л. Герасимова отмечает, что «просто культа “обо”, т. е. поклонения куче камней с воткнутыми в нее ветками деревьев (или какой другой форме обо), не существует отдельно от культа “хозяев местности”. Обо — это культовое место, на котором происходит “призывание” и обрядовое кормление или жертвоприношение “хозяину данной местности” или целой группе таковых» [3, с. 76]. Одно из наиболее ранних упоминаний обо как культового места у монголов находится в работе П. С. Палласа [11, S. 214–5].

⁵ Такой эпитет Белого старца присутствует в содержании известных нам 32 рукописей «Сутры Белого старца» на «ясном письме» из трех основных регионов современного проживания ойратов — России, Монголии и Китая.

⁶ К. М. Герасимова приводит сочинения буддийских богословов, в которых они делят духов-хозяев местностей исходя из опекаемой ими территории на *сабдаков*, *шибдаков*, *юл-лха* и *найдак* [2, с. 154–85]. Г. Н. Потанин приводит сведения о представлениях монголов относительно иерархии духов-хозяев местностей. «Каждая долина, каждая гора имеет своего духа или хозяина, который по-алтайски называется *ээзи*, по-дюрбютски — *сабдык*, по-бурятски — *хат*... Рядом с представлениями о духах мелких урочищ в народном воображении... являются сабдыки целых хошунов, или сабдыки горных хребтов. Так есть сабдык Алтая, Хангая и Хан-Хухея. Эти великие сабдыки у монголов уже получают титул ханов, то есть царей; сабдык Алтая называется Хан-Алтаем, сабдык Хангая — Хан-Хангаем» [5, с. 123–6].

Сивый седой олень
В верховьях [гор] находит траву,
Седой старец-отец
Всегда следует с нами⁷.

В одном произведении старописьменной литературы ойратов олень назван ездовым животным владыки буддийского ада — *Эрлик Номун-хана*. В нем говорится, что владыка мира мертвых выходит из своего железного дворца, седлает своего синего оленя, берет в руки семидесяти двухсаженный аркан и отправляется навстречу матушке Белой Таре⁸. Олень как ездовое животное встречается и в монгольских изображениях Белого старца. Это не случайное совпадение представлений о ездовых животных двух разных божеств, а скорее указание на некую существующую связь между двумя этими персонажами добуддийского культа.

Иконографическая традиция Белого старца представлена живописными изображениями в виде традиционных для буддийской культовой живописи свитков — тханка (тиб. *thang ka*). Рассматривая этапы эволюции изображения Белого старца в монгольской иконографии, исследователи приходят к выводу о том, что ранние его образы были созданы под влиянием китайской традиции изображения древних божеств местности Ту-ди с их спутниками — духами гор, в облике которых сочетаются черты животного и человека, а поздние были созданы под влиянием традиции изображения китайского божества долголетия Шоу Сина [16–18].

Ю. И. Елихина, сопоставив девять монгольских (возможно, бурятских) изображений Белого старца из собрания буддийской живописи Государственного Эрмитажа, разделила их на два типа — «китайский» и «монгольский».

В «китайском» типе Белый старец изображен восседающим верхом на олене с драконьим посохом в руке, «в головном уборе черного цвета с красным шариком наверху, с длинной белой бородой, в красном подпоясанном халате» [16, с. 25]. Интересно, что в тексте молитвы-«воскурения» (*санга*) монгольского Мэргэн-гегена также указывается, что Белый старец восседает на олене, но в руке у него резной посох (*bogir ~ boyar tayay*) [9, S. 22]. Такой же резной посох встречается в некоторых бурятских изображениях у одного из помощников (*сабдаков*) Белого старца [18, с. 25].

Во втором, «монгольском», типе Белый старец «сидит на подстилке, кресле или лотосе» на фоне «синего неба, облаков, гор, реки, лужайки и пещеры». Рядом с ним персиковое дерево (или сосна). Он изображается «лысым, с длинной белой бородой, чаще в красном подпоясанном халате». В руке посох с головой дракона, также могут быть и четки. К посоху привязана книга формы потхи. Божества-спутники — Амиабха или Амиаюс [16, с. 25].

Книга как один из атрибутов Белого старца символизирует важный аспект функции этого божества — распорядителя судеб всех живых существ. Она актуализирует его связь с *Эрлик-ханом*, у которого он выполняет обязанности писца [19, р. 85–6]. Согласно содержанию «Сутры Белого старца» и текстов молитв-«воскурений», Белый старец 2-го и 16-го числа каждого лунного месяца спускается

⁷ Здесь и далее перевод текстов автора настоящей статьи.

⁸ «Сутра-повесть магушки-спасительницы Тары» (*Гэтэлгэгч Цагаан Дара эхийн туужийн судар оршив*) [15, с. 136].

на землю и совершает обход своих владений, записывает все благие и греховные деяния каждого человека и сообщает о них владыке ада.

*burxan baqšiyin nidüni emüne
ertenі ama abuqsan-yēn sanayāci tangyaraqtu erkin:
buyani üyiledüqçi ken bügüsü eçige metü tedkeqçi: öröšöltü
eledeb nüül üyilidüqçi-nereyigi: erliq xān metü biçiqtü biçiqçi
yadaду kilingtü ene kü yertunçuyin amitani üyileyin açi üre
enderel ügei medeqçi uxān biliqtü öbögün dürsütü
yazariyin ezen čimai youyan zalbirin doudan zalbiramui:*

Властитель, хранящий клятву, прежде данную перед очами Будды,
Подобно отцу милосердно опекающий всякого, кто творит благие деяния,
Подобно Эрлик-хану отмечающий всех, кто совершает прегрешения,
Безошибочно ведающий о деяниях живых существ гневного внешнего мира,
Хозяин земли, Мудрый старец, молитвенно призываю и поклоняюсь тебе⁹.

Выявив большое число различий во второстепенных деталях в изображении Белого старца в «монгольской» группе, Ю. И. Елихина, несмотря «на устойчивость и узнаваемость образа божества», предположила, что изменения в иконографии могли быть обусловлены как поздним проникновением божества в буддийский пантеон, так и местными традициями [16, с. 25].

Пять монгольских (бурятских?) тханок подобного «монгольского» типа находятся в коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (далее — НМРК). При сходстве пейзажа, одеяния (красный халат¹⁰), атрибутов (посох с головой дракона¹¹, книга и четки), а также божеств-спутников, композиция пяти тханок дополнена изображениями брачующихся пар животных и птиц у ног Белого старца. При этом одно из этих изображений (рис. 1) при наличии общей композиции (сидящий Белый старец с лысым вытянутым черепом на фоне известного пейзажа, брачующиеся животные и птицы, божество-спутник Амитаюс) имеет некоторые особенности.

Во-первых, здесь отсутствует традиционное изображение пещеры (грота), у входа в которую обычно изображается сидящий Белый старец. Однако справа за спиной старца в отдалении изображен небольшой холм, обрамленный цветами с крупными лепестками, символизирующий пещеру или женское начало. Во-вторых, на распахнутом верхнем одеянии Белого старца появляется растительный орнамент в виде бутонов золотистых роз, а на ногах — короткие монгольские сапоги тигриной окраски. Слева от него изображены буддийские символы — драгоценный сосуд (ваза изобилия), пара медных тарелок (цимбалы), а также столик, на котором стоит сосуд с горящим огнем. Эти изменения в изображении Белого старца действительно могли быть связаны как с поздним проникновением культа в буддийский пантеон, так и с местными традициями культовой живописи [16, с. 25].

⁹ «*Šine büüriyin sang: Cayān öbögüni sang*» («Молитва-“воскурение” новому жилищу. Молитва-“воскурение” Белому старцу») [12, с. 25].

¹⁰ На всех пяти изображениях у Белого старца поверх подпоясанного халата изображен распахнутой халат контрастирующего цвета (синий или белый).

¹¹ На двух из них наконечник посоха изображен в виде змеиных головок. Потанин пишет, что «на вершине посоха изображена звериная головка» [5, с. 262].

Рис. 1. Тханка «Белый старец». Начало XIX в., Монголия (Бурятия?). Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Фото Н. Бошева

Выявляя истоки иконографического воплощения образа Белого старца в бурятской культовой живописи, исследователи также находят подтверждение того, что ранние его образы были созданы на основе китайской традиции изображения древних божеств местности Ту-ди. В этой традиции он изображается в монгольском головном уборе, в белом распашном халате поверх цветного, подпоясанного, с четками на шее, с драконовым жезлом и книгой. Внизу иногда изображаются скотные барс и волк. Связь с образом Ту-ди выявляют помощники Белого старца. «Один — в тигровых шапке и воротнике, другой — в лохматой шапке. Это духи гор наполовину звериного и человеческого облика» [18, с. 45].

Более поздние изображения Белого старца в культовой живописи Монголии возникли на основе иконографической матрицы Шоу Сина — китайского божества долголетия и плодородия. В этом варианте Белый старец предстает в виде отшельника, сидящего у входа в пещеру, с лысым черепом фаллической формы, с четками и драконовым жезлом в руках, в окружении брачных пар животных и птиц. Рядом традиционно изображено дерево с плодами [18, с. 45].

В коллекции НМРК находится единственное изображение (рис. 2) Белого старца в виде сановника высокого ранга в монгольском черно-белом головном уборе с красно-желтым шариком, в белом распашном халате поверх подпоясанного

Рис. 2. Тханка «Белый старец». Начало XIX в. Монголия (Бурятия?). Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Фото Н. Бошева

Рис. 3. Тханка «Белый старец». Начало XIX в. Монголия (Бурятия?). Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Фото Н. Бошева

однотонного серого одеяния, с драконовым жезлом и книгой в руках, восседающего на лotosовом троне. Отсутствуют четки, изображения спутников-помощников и каких-либо животных. Лишь наличие схематичного пейзажа, радужной оболочки тела и нимба вокруг головы позволяет идентифицировать его как Белого старца.

С этим монгольским (бурятским?) изображением Белого старца перекликается ойратский текст «Сутры жертвоприношения Всемогущему Белому старцу, Хормусте-тенгрию, восьми разрядам [божеств]» (*Neng yeke cayān köqšin xormusta tenggeri nayıman ayımiq takixu sudur oroşıboı*). Белый старец, согласно тексту, представляется в пестро-белом головном уборе (*cayān coxor maxalā ümüsüqsen*), с драконьим посохом и книгой в руках (*kıuyın terigüün tayaq kiged debter bariqsen*), с драгоценными четками на шее (*küzöüdēn erdeni erkēr çimeqsen*) [12, с. 29–30].

Что касается скованных хищников (тигр и волк), то они присутствуют на двух из пяти уже упоминавшихся тханк из коллекции НМРК, которые также относятся к «монгольскому» типу. Хищники изображены по левую сторону от Белого старца, прикованные к скале в виде стелы в отдалении от брачующихся животных и птиц, изображенных справа от него (рис. 3). На этом изображении Белый старец в образе отшельника с лысой головой сидит перед входом в пещеру. Справа от него лежит завязанная котомка. В руках у него четки и посох с головой дракона, к которой привязана книга. Внутренний подпоясанный халат красного цвета и внешний распаш-

ной халат синего цвета покрыты растительным орнаментом. Таким же орнаментом покрыты стены пещеры, изображенной за его спиной.

По свидетельству А. М. Позднеева, Белый старец в монгольской иконографии изображается «в виде маститого и убеленного сединами старца, одетого в белый халат и держащего в руках посох с изображением драконовой головы» [1, с. 84]. Г. Н. Потанин пишет, что в дацане аларских бурят Белый старец «изображен в виде старика с длинною бородой в белом платье, с тростью в правой руке. Под ним изображены в уменьшенном против его фигуры масштабе быки, козы и бараны. На других рисунках посох в левой руке, а в правой — четки. На вершине посоха изображена звериная головка, тут же подвешены какие-то две вещицы на шнурах» [5, с. 262].

Таким образом, в иконографии Монголии и Бурятии под влиянием китайской традиции в ранних изображениях Белый старец предстает в виде жреца или сановника высокого ранга, в более поздних изображениях в виде отшельника, сидящего у входа в пещеру. Функции Белого старца опосредованно переданы через образы его спутников (духов гор, сочетающих в себе черты животного и человека, божеств-спутников), ритуальные предметы (резной посох, посох с головой дракона, книга), фигур брачующихся животных и птиц, а также скованных хищников (тигр и волк).

Посох, увенчанный головой дракона, как неизменный атрибут этого образа, имеет сложную семантику. По мнению исследователей, он важен для выявления происхождения культа Белого старца¹². Одни видят в нем оружие воздействия на свирепых хозяев местностей и в то же время некое подобие конной трости шамана, которая служит в качестве верхового животного [9, S. 22]. Другие трактуют посох как символ единения Неба и Земли, дарующий живительный дождь, как символ единения мужского начала с женским [18, с. 161]. Посох с головой дракона, по свидетельству других, имеет магическую силу. По представлениям монголов Ордоса, одним взмахом посоха Белый старец способен наслать болезнь и вызвать массовый падеж скота. Поэтому его называют *Мялзан Цагаан овгон* («Белый старец, [насылающий] чуму скота») [20, с. 53]. Болезнь, от которой внезапно умирают волю, реже — верблюды, овцы и козы, также считалась вызванной гневом Белого старца [21, р. 112]. Помимо всех вышеприведенных символических значений, посох с головой дракона — это символ владычества Белого старца над подавленными и усмирненными им многочисленными сверхъестественными существами, ставший основанием для появления эпитета Белого старца — «Покоритель и усмиритель [духов-хозяев] земли и воды».

В тексте «Сутры Белого старца» дано описание внешнего вида божества (белобородый старец с непокрытой головой в белом одеянии), указываются главный его атрибут (посох с головой дракона) и место его жительства (гора, покрытая плодовыми деревьями). «В одно время всесовершеннейший Будда с Анандою и приемлющими жертву в чашу, с главнейшими из бодисатв и хувараками, проходил у горы, которая называлась Чжимисту-ой (плодовитый лес), и в это время увидел одного старца, достигшего уже до пределов человеческой жизни: волосы и борода его были совершенно белые, он был одет в белую одежду и держал в своей руке посох с наконечником, изображающим драконову голову» [1, с. 84].

¹² А. М. Позднеев пишет, что иногда навершие посоха могло быть в виде двух голов дракона [1, с. 84].

Этому текстовому описанию в полной мере не соответствуют ни ранние изображения Белого старца у монголов и бурят, созданные под влиянием китайской традиции Ту-ди, ни более поздние, созданные на основе образа Шоу Сина. Наиболее идентична тексту калмыцкая традиция изображения Белого старца.

Выявляя особенности этого культа и описывая его иконографию, исследователи отмечают, что такие функции Белого старца, как хозяин года и покровитель всего народа, встречаются только у калмыков. Э. П. Бакаева выделяет в культуре калмыков две основные формы изображения Белого старца — стоящий на фоне гор и сидящий в пещере [22, с. 50–1]. Мнение о том, что китайская традиция изображения сидящего Белого старца у входа в пещеру была распространена и у калмыков, как нам представляется, недостаточно обоснована. Во-первых, в калмыцкой культуре естественная для китайского художественного восприятия семантика мужского начала в виде лысого черепа фаллической формы и женского в виде плодов персика эстетически была неприемлема. Во-вторых, никто не приводит ни одного такого вида изображения Белого старца или сведений о нахождении таких в калмыцких храмах в историческом прошлом. В-третьих, пять изображений подобного вида, которые хранятся в собрании Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, не являются по своему происхождению калмыцкими. Их монгольское (возможно, бурятское) происхождение не вызывает сомнения. Они вполне могли быть завезены как калмыцкими паломниками в Монголию и Бурятию, так и бурятскими ламами, которые имели весьма смутное представление о калмыцкой традиции изображения Белого старца.

По мнению С. Г. Батыревой, в калмыцкой иконографии существует иная художественная традиция в изображении Белого старца, которую можно рассматривать как «параллель китайскому варианту» [23, с. 118–20]. В калмыцкой традиции образ Белого старца создавался на основе сложившегося в далеком прошлом мифологического представления о нем как о владыке всего земного пространства. Поэтому устойчивый и узнаваемый для калмыцкой иконографии образ Белого старца — это «фронтальное в полный рост изображение Белого Старца» [23, с. 120].

Традиционно это однофигурная композиция, в центре которой в полный рост изображена величественная фигура Белого старца с непокрытой головой, с длинными седыми волосами, собранными на макушке головы в форме триратны. В правой руке он держит посох с головой дракона, а в левой — четки. Иеромонах Мефодий (Львовский) оставил краткое, но выразительное описание калмыцкого изображения Белого старца, сумев определить его характерные особенности. «Впрочем, новых божеств я здесь не встретил, кроме Кёгшин-богдо. Последний представляет из себя старца с клинообразной короткой бородой и тонкими, жидкими усами. Волосы зачесаны назад с трехэтажным, так сказать, усниром. Одеждою его является синий *халат с желтыми цветками*¹³. На ногах сандалии. В правой руке его жезл, а в левой четки, по-калмыцки — “эрикен”. Он стоит бодро и высматривает грозно» [6, с. 146].

Анализ калмыцких изображений Белого старца показывает, что в некоторых из них сохранились черты былого влияния китайской традиции. В известных музейных собраниях калмыцких тханок Белого старца есть группа изображений, в которых сохранились элементы этого влияния, но есть и такие тханки, в кото-

¹³ Выделено автором настоящей статьи.

Рис. 4. Тханка «Белый старец». Начало XIX в., Калмыкия. Ткань, минеральные краски. Размер средника 26,5 × 32 см, сохранность ветхая, осыпи красочного слоя, потертости. Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Кп 3384/6. Фото Н. Бошева

рых они отсутствуют. Для подтверждения высказанного положения обратимся к анализу семи изображений Белого старца¹⁴. Четыре из них находятся в коллекции НМРК. Три тханки входят в собрание трех музеев — Саратовского областного музея краеведения, Новочеркасского музея истории донского казачества и Музея Калмыцкого научного центра РАН.

Четыре наиболее ранних изображения (тханка из Калмыцкого НЦ РАН, тханка из Саратовского областного музея краеведения, три тханки из НМРК) датированы началом XIX в. Два поздних изображения из НМРК и Новочеркасского музея истории донского казачества относятся к концу XIX в.

На одной из ранних тханк из НМРК (рис. 4) Белый старец изображен в виде одиночной фигуры на фоне синего неба, зеленых гор, покрытых густой растительностью, и буро-зеленых холмов. Грозный лик старца с широко раскрытыми глаза-

¹⁴ Неизвестные исследователям изображения Белого старца хранятся в некоторых калмыцких семьях и сельских храмах. К примеру, в моленной доме п. Джамба Астраханской области находится тханка Белого старца, которая считается реликвией калмыцкого рода *кесенкин керейтов*. Семья Явакаевых сохранила эту реликвию в период депортации калмыцкого народа в Сибирь (1943–1957). Уже в наши дни силами членов рода был возведен моленный дом, в котором находится эта родовая реликвия.

ми и пронизательным взглядом обрамлен седой бородой и длинными седыми волосами, верхняя часть которых собрана в форме триратны. Вокруг головы радужный нимб в облачном окружении. На нем белый распашной халат без воротника, покрытый светло-серыми пятнами в форме цветов. Края халата и обшлага рукавов отделаны оранжевой каймой. Под распашным халатом — другой подпоясанный халат синего цвета, покрытый светлыми пятнами в виде бутонов тюльпана. На ногах у него монгольские сапоги оранжевого цвета. Желтый пояс, судя по свисающим краям, напоминающим звериные головки, составлен из шкурок хищного зверька. С. Дулам приводит некоторые представления монгольских бурят о Белом старце. Согласно их устным преданиям, в гневе он безудержен, а будучи голодным, может съесть все, что попадется, даже человека. Однажды он якобы съел белую лису, а из ее шкуры сделал себе подстилку. Поэтому его иногда называют «Восседающий на шкуре белой лисы» [24, с. 405].

Фигура старца занимает центральную часть композиции и визуально делит пространство на две симметричные части. В правой руке он держит посох с головой дракона. Раскрытая пасть дракона символизирует его грозный рык, потрясающий небо и землю. В тексте ойратского «Санга Белого старца» (*Сayān öbögüni sang*) он назван «держатим в руках посох с рычащей головой дракона».

*köqšöröqsön metü cayān saxal üsütü
köbčün biyedēn cayān debel ümüsüqsün
kürjingen dongyoduqči
kluyin terigüütü tayagı yartan bariqči* [12, с. 23]

Седобородый и седовласый старец,
Одевший на себя белый халат,
Держащий в руке посох
С головой рычащего дракона.

В другом тексте молитвы-«воскурения»¹⁵ сказано, что в правой руке у него атрибут бодхисаттвы — посох с головой рычащего дракона (*baroun-dēn bodhi sadwayin modun kürjingnūxū doutai klu terigüütei tayaq atxun bariqsen*). В левой руке — четки, скрученные в виде двух окружностей, символизирующих буддийский «узел бесконечности».

В нижней части полотна, за фигурой Белого старца, схематично изображены буро-зеленые холмы и водный поток. По левую и правую стороны от него симметрично изображены две пещеры в виде четырехцветных полукруглых входов, обрамленных снаружи кустами с большими темно-зелеными листьями. К этим двум входам в пещеру примыкают две высокие конические стелы, изображенные в четырехцветовой гамме. Судя по всему, это попытка символической передачи единения женского и мужского начал, где цветовой символикой передается четыре из пяти руп тела человека (воздух — синий, вода — темно-синяя, огонь — красный, земля — коричневая).

В композиции этого типа изображения Белого старца присутствуют божества-спутники буддийского пантеона. В левом верхнем углу тханки на лотосовом троне

¹⁵ «*Сayān öbögüni sang*» («Молитва-“воскурение” Белому старцу») [12, с. 23].

восседает Будда Амитаюс красного цвета. В руках у него сосуд с нектаром бессмертия амрита (санск. *amṛta*). На голове корона с изображением пяти дхьяни-будд.

В правом верхнем углу тханки на лotosовом троне изображена Зеленая Тара. В левой руке в жесте дарования прибежища она держит стебель цветка голубого лотоса утпала. Правая рука лежит на колене в жесте дарования добра. Ее правая нога приспущена. В ойратском ксилографическом издании текста Атиши «Гимн двадцати одной Таре» (*Xutuqtu Dāre ekeyin xörin nigen maqtāl kemēkü orošibui*) этому изображению соответствует надпись «Мать-спасительница красно-темной радужности, подавляющая врагов и нечисть» (*getelgeqčī šumnus kigēd dayisu daruqčī eke ula-bur xara gegetei*) [25, с. 189–98].

Тара и Амитаюс относятся к божествам жизни, основная функция которых заключается в постоянной защите живых существ. К ним обращаются с молитвами о долгой и счастливой жизни, о здоровье и богатстве. Буддийские атрибуты Белого старца (радужный нимб, прическа в виде триратны, драконий посох и четки) также подчеркивают его статус защитника, поклявшегося перед Буддой защищать и помогать всем живым существам сансары, вступившим на путь буддийского спасения.

В этом раннем калмыцком изображении Белого старца о связи с традицией изображения Ту-ди напоминают сапоги оранжевого цвета и пояс, края которого напоминают звериные головки. Образы духов гор, которые в монгольской (бурятской) традиции изображались в виде помощников в лохматых шапках, в калмыцкой традиции полностью теряют человеческий облик и символически обозначаются в виде пояса из звериных шкур и сапог оранжевого цвета. Символические изображения пещеры и стелы фаллической формы соотносятся с традицией изображения Шоу Сина.

Другое изображение Белого старца из Музея Калмыцкого НЦ РАН (рис. 5) выполнено в той же художественной манере, что и предыдущая тханка. Однако между ними есть различия как в самой композиции, так и в отображении символических деталей пейзажа. Белый старец традиционно изображен в полный рост с непокрытой головой, обрамленной нимбом. Он облачен в белый распашной халат, но уже без символических изображений цветов. Зато нижний подпоясанный халат синего цвета покрыт пятнами (белыми, светло-желтыми, светло-красными), отчетливо похожими на бутоны тюльпанов. Свисающие края желтого пояса также имеют форму звериных головок. В руках у него традиционные атрибуты — посох с головой дракона и четки. На ногах — монгольские короткие сапоги коричневого цвета.

На заднем фоне за спиной старца схематично передан пейзаж: синее небо и красно-розовые облака, зеленые горы, покрытые растительностью. Божеств-спутников нет. В нижней части полотна за спиной Белого старца справа также изображена пещера в виде четырехцветного полукруглого входа, обрамленного снаружи большими зелеными листьями. Это же символическое изображение женского начала есть и слева. Однако оно потеряло свою форму и почти слилось с волнистыми горизонтальными разноцветными полосами, в которые преобразились две конические стелы из упомянутого выше изображения Белого старца.

У ног Белого старца струится вода в виде двух симметрично стекающих вниз потоков, которые разделены элементом орнамента фаллической формы. В этом изображении, как и в предыдущем случае, связь с китайской традицией выявляют все тот

Рис. 5. Тханка «Белый старец». Начало XIX в., Калмыкия. Ткань, минеральные краски. Сохранность ветхая, осыпи красочного слоя, потертости. Из коллекции Музея Калмыцкого научного центра РАН. № И-45/0472 ОФ. Фото автора статьи

Рис. 6. Тханка «Белый старец». Конец XIX в. Ткань, минеральные краски. Размер средника 33,5 × 20,1 см. Сохранность ветхая, множественные потертости. Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова. КП 695/7. Фото Н. Бошева

же пояс из звериных шкурок и обувь коричневого цвета. Символическое изображение пещеры и орнамент фаллической формы соотносятся с традицией изображения Шоу Сина. Здесь достаточно наглядно наблюдается процесс изменения традиционного изображения некоторых символических элементов.

Заканчивает группу калмыцких тханок, в которых присутствует влияние китайской традиции, третья, более поздняя, — изображение Белого старца из НМРК (рис. 6). Это полотно значительно отличается от двух предыдущих изображений, как манерой письма, так и композиционным решением, сохраняя при этом главную традицию — фронтальную однофигурную композицию. Мощная одинокая фигура Белого старца заполняет собой всю центральную часть полотна. У него белая борода и волосы, собранные в форме триратны, радужный нимб вокруг головы. В руках посох с головой дракона и четки. Он одет в белый распашной халат, края которого окаймлены красной окантовкой. В отличие от прежних изображений нижний халат у него однотонного коричневого цвета, контрастирующий с верхним белым одеянием и подчеркивающим мощь его фигуры. Взгляд широко раскрытых глаз устремлен прямо. На талии светло-коричневый пояс, концы которого отчетливо

изображены в виде звериных головок. На ногах у него монгольские сапоги тигриной раскраски.

На заднем фоне симметрично изображен пейзаж — синее небо, бело-розовые облака, четыре горные вершины, покрытые кустарниками. Внизу водный поток и широкая равнина с редкими растениями. Символическое изображение женского начала в виде двух четырехцветных полукруглых пещер, обрамленных снаружи кустами с большими листьями, сменяется здесь двумя конусовидными обо, обрамленными тремя крупными цветами. Мужское начало в виде высоких конических стел и орнамента фаллической формы заменяют здесь стволы двух деревьев с пятью крупными цветами. Эта калмыцкая тханка отражает более позднюю традицию изображения Белого старца. Тем не менее такие элементы, как пояс со звериными головками, обувь тигриной раскраски, а также конусовидное обо и деревья, с одной стороны, напоминают о сохранившемся влиянии китайской традиции, с другой — о становлении национальной художественной традиции изображения Белого старца.

Таким образом, три вышеуказанные калмыцкие тханки отражают разные этапы калмыцкой традиции изображения Белого старца. В композиционном отношении фигура Белого старца постепенно начинает занимать все больше пространства в центре полотна. Пейзаж становится все более лаконичным. Однако при этом появляется цветочный орнамент на внешнем и внутреннем одеяниях старца, с одной стороны, визуалью как бы служащий дополнением к лаконичному пейзажу, а с другой — подчеркивающий мифологическую слитность Белого старца с окружающей природой.

Вторую группу калмыцких изображений Белого старца представляют тханки, в которых прежнее влияние иной художественной традиции уже утрачено.

В собрание Саратовского областного музея краеведения тханка «Белый старец» (рис. 7) поступила в 1932 г. из Кабинета калмыковедения Саратовского педагогического института [26, с. 635]. На этом полотне фигура Белого старца традиционно изображена в центре композиции. Он стоит с широко расставленными ногами. Конец посоха, упирающегося в землю, изображен ниже подошвы правого сапога, что создает ощущение парящей в воздухе фигуры. Седые волосы старца собраны в пучок в форме триратны, вокруг головы красно-радужный нимб. Четко прорисованные черты лица, морщинки на лбу и широко раскрытые глаза, вззирающие прямо перед собой, вызывают чувство гипнотического благоговения. Белый старец изображен в распашном халате белого цвета с точечными рисунками цветов. Нижний подпоясанный халат светло-зеленого цвета также с точечными рисунками цветов. Пояс желто-зеленого цвета завязан в форме триратны, и концы его уже не напоминают звериных головок. Носки его красных сапог сливаются с окантовкой халата того же цвета. В правой руке у него посох с головой дракона, а в левой — четки.

В верхней части полотна за спиной Белого старца на фоне синего неба с красно-розовыми облаками, солнцем и луной симметрично изображены две горы, покрытые растительностью и укутанные облаками. У подножья гор справа и слева от фигуры расположены две стилизованные пещеры в виде белых бутонов цветов круглой формы, окаймленных густой листвой. От этих двух пещер вниз ниспадают два водных потока, сливающиеся в нижней части тханки в водное пространство, в котором плавают птицы. Справа изображена одна белая птица, слева — птица

Рис. 7. Тханка «Белый старец». Начало XIX в., Калмыкия. Ткань, минеральные краски. Размер полотна 63,5 × 48,5 см, размер средника 31 × 23 см. Прослеживаются заломы, осыпи красочного слоя и потертости. Тханка поступила в музей в 1932 г. из Кабинета калмыковедения Саратовского педагогического института. Из фондов Саратовского областного музея краеведения. СМК 4787. Инв. № 4187

с тремя птенцами. У воды — брачная пара оленей. С левой стороны водного потока изображен олень с рогами, справа — самка оленя. Водное пространство разделено островком, на котором изображен восседающий на лунном диске восьмирукий Авалокитешвара белого цвета. В руках у него лук, стрела и фигурка Будды. Авалокитешвара в буддизме олицетворяет великое сострадание. Согласно традиции, из его слезы родилась Тара. Известной во всем буддийском мире шестислоговой мантрой Авалокитешвары «*Ом мани падме хум*» обычно заключаются тексты молитв-«воскурений» и «Сутры Белого старца».

Более поздний вариант изображения Белого старца представляет вторая тханка (рис. 8) из Новочеркасского музея истории донского казачества [27, с. 688–9]. Как и предыдущее изображение, композиционно она также предельно лаконич-

Рис. 8. Тханка «Белый старец». Россия, Область Войска Донского. 1850–1914. Размер средника 33,5 × 21,6 см. Из собрания Новочеркасского музея истории донского казачества). НМИДК/КП-24377/1Тк-1004/1. Поступила в Донской музей в начале XX в. Вероятнее всего, была передана Ф.К. Траилиным, известным литератором и собирателем калмыцких реликвий

на и не загружена символическими изображениями мужского и женского начала. Весь акцент в изображении перенесен на сам образ. Одинокая фигура Белого старца с белой бородой и волосами, собранными в пучок в форме триратны, и нимбом вокруг головы, изображена на фоне темно синего неба с облаками, двух островершинных зеленых вершин, усеянных четко прорисованными бутонами белых цветов. Само техническое решение переноса цветочного орнамента с халата Белого старца на окружающую природу, с одной стороны, придает изображению реалистичность пейзажа, с другой — наполняет ее новым содержанием. Именно эта второстепенная деталь пейзажа олицетворяет образ Белого старца с символом цветущей природы и жизни. В руках у него посох с головой дракона и четки. На нем белый распашной халат с красной окантовкой. Нижний халат однотонного фиолетового цвета с оранжевой окантовкой. На талии зеленый матерчатый пояс, со свисающими вниз концами. Внизу на заднем фоне симметрично изображены два конусовидных холма темного цвета. У его ног струится водный поток.

В этом позднем образе Белого старца уже нет традиционных для более ранних полотен второстепенных деталей, которые свидетельствовали бы о китайском влиянии. Два конусовидных холма без растительного обрамления уже не воспринимаются символикой женского и мужского начал.

В еще более позднем варианте изображения Белого старца, который известен в кругу исследователей как «Белый старец с тюльпанами» (рис. 9), уже нет следов китайского влияния, отсутствуют даже изображение конусовидных холмов обо-

Рис. 9. Тханка «Белый старец». Конец XIX в., Калмыкия. Ткань, минеральные краски. Сохранность ветхая, потертости. Из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Фото Н. Бошева

Как и предыдущее изображение, оно не загружено второстепенными деталями. Белый старец традиционно изображен в полный рост, без головного убора. У него седая борода и длинные седые волосы, собранные в форме триратны. Вокруг головы зеленый нимб в облачном окружении на фоне синего неба с розоватыми облаками. На нем белый распашной халат, края которого выделены фиолетовой каймой. Под распашным халатом — другой халат однотонного светло-синего цвета, пояс зеленого цвета. В левой руке он держит четки, а в правой — посох с головой дракона.

Горизонт полотна расположен чуть выше его середины. На горизонте — две темные горы на фоне синего неба. От горизонта до нижнего края полотна тянется пространство зеленой равнины, которое у нижней кромки тханки разделено водным потоком. Все это пространство за спиной Белого старца (зеленая равнина и силуэты черных гор) равномерно покрыто четко прорисованными крупными бутонами белых тюльпанов с двулиственными стебельками. Плоскостная техника изображения цветов одинакового размера на зеленой равнине и темном фоне гор создает ощущение органичной связанности всей композиции тханки.

Таким образом, в калмыцкой культовой живописи образ Белого старца претерпел ряд этапов в своем осмыслении. Во-первых, появляется фронтальное изображение Белого старца в полный рост, которое композиционно размещается в центре полотна и делит его на две симметричные части. Во-вторых, пейзаж в отличие от монгольской (бурятской) традиции приобретает предельно лаконичное содержание. При этом ранние изображения сохраняют в себе второстепенные элементы,

указывающие на влияние китайской традиции. Поздний образ Белого старца, видимо, окончательно сформировался после того, как калмыки полностью адаптировались в новых природных условиях и оказались вне активных культурных связей с монголо-тибетским буддийским миром. В художественной системе калмыков сложилась своя традиция изображения Белого старца, строго следующая портретному описанию и смысловому содержанию «Сутры Белого старца».

Литература

1. Позднеев, Алексей. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу*. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. [Репринт. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993.]
2. Галданова, Галина, Ксения Герасимова, Дандар Дашиев, и Гуро Митупов. *Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века: структура и социальная роль культовой системы*, отв. ред. Вячеслав Мантатов. Новосибирск: Наука, 1983.
3. Герасимова, Ксения. “О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам”. В кн. *Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии*, отв. ред. Ксения Герасимова, 54–82. Новосибирск: Наука, 1980.
4. Жуковская, Наталия. *Ламаизм и ранние формы религии*. М.: Наука, 1977.
5. Потанин, Григорий. *Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Императорского Русского географического общества*, вып. 4. СПб: Тип. В. Киршбаума, 1883.
6. Мефодий, иеромонах. *Буддийское мировоззрение или ламаизм и обличение его*. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1902.
7. Birtalan, Ágnes. “Ritual Texts Dedicated to the White Old Man with Examples from the Classical Mongolian and Oirat (Clear Script) Textual Corpora”. In *Sources of Mongolian Buddhism*, ed. by Vesna A. Wallace, 269–93. Oxford: Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190900694.003.0013>
8. Самбудорж, Очирбатын. *Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын бүртгэл. Сан тахилгын судар* [Каталог рукописей на “ясном письме” Института языка и литературы. Тексты ‘воскурений’ и жертвоприношений]. Уланбаатар: ШУА-ийн Хэл зохиол, 1997.
9. Heissig, Walter. *Mongolische volksreligiöse und folklorische Texte*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966.
10. Futaki, Hiroshi. “Classification of Texts Related to the White Old Man”. *Queationes Mongolorum Disputatae*, no. 1 (2005): 35–46.
11. Pallas, Peter. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. 2 vols. St Petersburg, 1801, vol. 2.
12. Бичеев, Баазр. “Ойратские тексты сангов Белого старца”. *Mongolica* 24, no. 3 (2021): 22–32. <https://doi.org/10.25882/2qz-8731>
13. Яхонтова, Наталия. *Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения*. М.: Вост. лит., 2010.
14. Хабунова, Евдокия. *Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998.
15. Сумъяа, Доржпаламын. *Монгол Ногоон Дара эхийн тууж* [Монгольские повествования о Зеленой Таре]. Отв. ред. Академич Цэрэнсодном. Улаанбаатар: ШУА-ийн Хэл зохиол, 2011.
16. Елихина, Юлия. “Культ Белого старца по изобразительным и текстовым источникам”. В сб. *Владимирцовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. II Всесоюзная конференция монголоведов*, 24–6. М.: Наука, 1989.
17. *«Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма: каталог выставки*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015.
18. Герасимова, Ксения. *Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
19. Birtalan, Ágnes. “Cagān Öwḡön — The White Old Man in the Leder Collections. The Textual and Iconographic Tradition of the Cult of the White Old Man among the Mongols”. In *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder*. Austrian Academy of Sciences Press, 2013. 84–94.

20. Батчулуун, Селенген. “Образ хозяина земли Белого старца в искусстве Монголии, Бурятии и Калмыкии как отражение взаимодействия культур”. В сб. *Путь Востока: Межкультурная коммуникация. Вып. 30. Материалы VI Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока*, 53–60. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
21. Mostaert, Antoine. “Note sur le culte du Vieillard blanc chez les Ordos”. In *Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe*, 108–17. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957.
22. Бакаева, Эльза. *Добуддийские верования калмыков*. Элиста: АПП «Джангар», 2003.
23. Батырева, Светлана. *Старокалмыцкое искусство XVII — начала XX века*. М.: Наука, 2005.
24. Дулам, Санжавин. *Монголын буриад бөө нэрийн Цагаан өвгөний шүтлэг, тахилга. Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл. I боть. Домог зүй, бөө мөргөлийн судалгаа* [Шаманский культ Белого старца у монгольских бурят. Сборник статей. Т. I. Исследование мифологии и шаманизма]. Улаанбаатар: Их сургуулийн хэвлэлжлэл, 2018.
25. Бичеев, Баазр. *Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»)*. Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация перевод с ойратского, комментарии. Элиста: КИГИ РАН, 2013.
26. Климова, Юлия. “Калмыцкие тханки из собрания Саратовского областного музея краеведения”. В сб. *Буддизм Ваджраяны в России: актуальная история и социокультурная аналитика. Материалы VI Международной научно-практической конференции*, отв. ред. Анатолий Алексеев-Апраксин, сост. Вера Дронова, 633–7. СПб.: Алмазный путь, 2020.
27. Шабанов, Сергей. “Регалии и предметы культа Третьего Донского калмыцкого конного полка (из коллекции Новочеркасского музея истории донского казачества)”. В сб. *Буддизм Ваджраяны в России: актуальная история и социокультурная аналитика. Материалы VI Международной научно-практической конференции*, отв. ред. Анатолий Алексеев-Апраксин, сост. Вера Дронова, 685–94. М.: Алмазный путь, 2020.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 10 мая 2023 г.

Контактная информация:

Бичеев Баазр Александрович — д-р филос. наук, проф.; baazr@mail.ru

Iconography of Buddhism: The Tradition of Depicting the Old White Man*

B. A. Bicheev

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
11, ul. Pushkina, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation

For citation: Bicheev, Baazr. “Iconography of Buddhism: The Tradition of Depicting the Old White Man”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 13, no. 3 (2023): 576–596.

<https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.310> (In Russian)

The Old White Man is a local deity revered by Buddhists in Russia. His image, based on textual traditions and Buddhist iconography, prompted the name — the Old White Man, now widely accepted. In the written sources he is also known as the “Conqueror and subduer of the [master spirits] of earth and water”. The early images appeared in Mongolia under the influence of the Chinese traditional pictures of *Tū Dī*, ancient deities associated with localities, while later they were influenced by traditional images of *Shòuxing*, the deity of longevity. At an early stage of the iconographic tradition, the Old White Man is depicted as a priest or a high official; his functions are rendered via the characters of his companions, the host spirits of mountains (*sabdaks*) that have the features of man and animal or animals, such as a pair of deer, chained leopard (wolf), as well as ritual objects, including a carved staff or a dragon head staff. At a later stage, there may be symbols associated with the giver of longevity and fertility (bald

phallic head, cave, and peach). The text of the “Sutra of the Old White Man” includes the description of his appearance (a white-bearded, bare-headed old man in a white robe), attributes (a dragon head staff) and an allegorical landscape of a mountain and fruit trees. Neither early nor recent Mongolian and Buryat pictures fully correspond to the description. Much closer to it is the Kalmyk iconographic tradition. The Old White Man’s image of the Kalmyk nomads goes back to the ancient mythological idea of the deity as the keeper of domestic animals. Due to transformations in the religious sphere, the keeper of domestic animals becomes the Old White Man, the lord of all living beings and all earthly space. Traditionally, he is presented as a standing old man, bare-headed and his long gray hair gathered in the form of a triratna. He is dressed in a belted robe, with another swinging robe thrown on it. In his right hand, he holds a staff with a dragon’s head and a rosary in his left. There are no companions or animals. The symbolic landscape serves to enhance the grandiose figure of the old man. The details of the attire and the landscape refer to the former Chinese influence.

Keywords: Buddhism, local deities, Old White Man, textual traditions, religious iconography, the tradition of the deity’s iconography, artistic influence.

References

1. Pozdneev, Aleksei. *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter to the people*. St Petersburg: Tipografia Imperatorskoj akademii nauk Publ., 1887. [Reprint. Elista: Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993.] (In Russian)
2. Galdanova, Galina, Kseniia Gerasimova, Dandar Dashiev, and Guro Mitupov. *Lamaism in Buryatia of the 18th — early 20th century: The structure and social role of the cult system*. Ed. by V. V. Mantatov. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. (In Russian)
3. Gerasimova, Kseniia. “On some aspects of assimilation of pre-Buddhist cults according to Tibetan the ritual texts”. In *Buddhism and Medieval culture of the peoples of Central Asia*, ed. by Ksenija Gerasimova. 54–82. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. (In Russian)
4. Zhukovskaya, Natalia. *Lamaism and early forms of religion*. Moscow: Nauka Publ., 1977.
5. Potanin, Grigorii. *Essays of North-Western Mongolia: The results of the journey performed in 1876–1877 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society*, iss. 4. St Petersburg: Tipografia V. Kirshbauma, 1883 (In Russian)
6. Mefodii, hieromonk. *Buddhist worldview or Lamaism and its denunciation*. St Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa I. L. Tuzova Publ., 1902. (In Russian)
7. Birtalan, Ágnes. “Ritual Texts Dedicated to the White Old Man with Examples from the Classical Mongolian and Oirat (Clear Script) Textual Corpora”. In *Sources of Mongolian Buddhism*, ed. by Vesna A. Wallace, 269–93. Oxford: Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190900694.003.0013>
8. Sambudorzh, Ochirbatyn. *Catalogue of manuscripts on the “clear letter” Institute of Language and Literature. Texts of ‘incense’ and sacrifices*. Ulaanbaatar: ShUA-ijn Hjel zohiolyn hjevljel Publ., 1997. (In Mongolian)
9. Heissig, Walter. *Mongolische volksreligiöse und folklorische Texte*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966.
10. Futaki, Hiroshi. “Classification of Texts Related to the White Old Man”. *Queastiones Mongolorum Disputatae*, no. 1 (2005): 35–46.
11. Pallas, Peter. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. 2 vols. St Petersburg, 1801, vol. 2.
12. Bicheev, Baazr. “Oirat texts of the songs of the White Old Man”. *Mongolica* 24, no. 3 (2021): 22–32. <https://doi.org/10.25882/2qrz-8731> (In Russian)
13. Jahontova, Nataliaia. *Oirat Vocabulary of Poetical Names. Facsimile of the manuscript, transliteration, introduction, translation from Oirat, dictionary with comments, appendices*. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2010. (In Russian)
14. Habunova, Evdokiia. *Kalmyk wedding ritual poetry*. Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1998. (In Russian)
15. Sumyaah, Dorzhpalamyn. *Mongolian Narratives of the Green Tara*, exec. ed. Akademich Tserensodnom. Ulaanbaatar: ShUA-ijn Hjel zohiolyn hjevljel Publ., 2011. (In Mongolian)

16. Elihina, Iuliia. "The Cult of the White Old Man by pictorial and textual sources". In *Vladimirtsovskie chteniia. Tezisy dokladov i soobshchenii. II Vsesoiuznaia konferentsiia mongolovedov*, 24–6. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian)
17. "Abode of Charity". *Tibetan Buddhist Art. Exhibition Catalogue*. St Petersburg: Hermitage Museum Press, 2015. (In Russian)
18. Gerasimova, Kseniia. *Rites of Life protection in Central Asian Buddhism*. Ulan-Udje: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN Publ., 1999. (In Russian)
19. Birtalan, Agness. "Cagān Öwgön — The White Old Man in the Leder Collections. The Textual and Iconographic Tradition of the Cult of the White Old Man among the Mongols". In *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder*, 84–94. Austrian Academy of Sciences Press, 2013.
20. Batchuluun, Selengen. "The image of the owner of the Land of the White Old Man in the art of Mongolia, Buryatia and Kalmykia as a reflection of the interaction of cultures". In *Put' Vostoka: Mezhekul'turnaia kommunikatsiia. Vyp. 30. Materialy VI Molodezhnoi nauchnoi konferentsii po problemam filosofii, religii, kul'tury Vostoka*, 53–60. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003. (In Russian)
21. Mostaert, Antoine. "Note sur le culte du Vieillard blanc chez les Ordos". In *Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe*, 108–17. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957.
22. Bakaeva, El'za. *Pre-Buddhist beliefs of the Kalmyks*. Elista: APP "Dzhangar" Publ., 2003. (In Russian)
23. Batyreva, Svetlana. *Old Kalmyk art of the 17th — early 20th century*. Moscow: Nauka Publ., 2005. (In Russian)
24. Dulam, Sanzhavin. *Shamanic cult of the White Elder among the Mongolian Buryats. Collection of articles*. Ulaanbaatar: Jehe surgaalijn hjevljejel Publ., 2018. Vol. I. (In Mongolian)
25. Bicheev, Baazr. *Oirat version of "The Story of White Tara" ("The Tale of Bahamai-Khatun"). Facsimiles of manuscripts. Research, transliteration translation from Oirat, comments*. Elista: KIGI RAN Publ., 2013. (In Russian)
26. Klimova, Iuliia. "Kalmyk tanks from the collection of the Saratov Regional Museum". In *Buddizm Vadzhraiany v Rossii: Aktual'naia istoriia i sotsiokul'turnaia analitika. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, exec. ed. Anatolii Alekseev-Apraksin, comp. by Vera Dronova, 633–7. St Petersburg: Almaznyi put' Publ., 2020. (In Russian)
27. Shabanov, Sergei. "Regalia and objects of worship of the Third Don Kalmyk Cavalry Regiment (from the collection of the Novoчеркаск Museum of the History of the Don Cossacks)". In *Buddizm Vadzhraiany v Rossii: aktual'naia istoriia i sotsiokul'turnaia analitika. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, exec. ed. Anatolii Alekseev-Apraksin, comp. by Vera Dronova, 633–7. St Petersburg: Almaznyi put' Publ., 2020. (In Russian)

Received: February 26, 2022

Accepted: May 10, 2023

Author's information:

Baazr A. Bicheev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; baazr@mail.ru